

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский.
Генерал М. Д. Скобелев на коне. 1883 г.

ОТ АВТОРОВ ЭТОЙ КНИГИ

«Нет сомнения, что самое ведение войны — дело очень нелегкое. Но затруднения заключаются не в том, чтобы требовалась особая ученость или большой гений для понимания истин военного искусства; на это способен всякий здравомыслящий человек, у которого нет предубеждений и которому дело не вполне незнакомо».

Эта книга имеет целью нарисовать верную картину постепенного развития военного дела от начала государства до нашего времени.

Более чем тысячелетняя история наших армии и флота чрезвычайно богата боевыми столкновениями и дает немало бытовых картин, охватить которые с одинаковыми подробностями в одном издании нет возможности. Поэтому настоящее издание, давая цельную картину состояния военного искусства во все периоды, будет с особенным вниманием останавливаться на наиболее выдающихся боевых эпизодах, интересуясь в то же время организацией, бытом, вооружением и боевой подготовкой наших войск, в связи с политической жизнью государства и с другими обстоятельствами, имевшими иногда большое влияние на правильное развитие вооруженных сил.

Излагая ход постепенного развития русского военного искусства от начала Руси до наших дней, издание составит наиболее полную систематическую историю армии и флота.

До настоящего времени подобного издания у нас не существовало; «Обзор войн России», изданный под руководством заслуженного профессора Николаевской академии Генерального штаба генерала Генриха Антоновича Леера, знакомит нас с боевой жизнью армии от времен Петра Великого до столкновения с Афганистаном в 1885 году. Уделяя особенное внимание фактическому изложению войн, «Обзор войн России» мало останавливается на внутреннем быте, организации и боевой подготовке нашей армии; как известно, все издание вышло в четырех томах (шести частях) и не было иллюстрировано.

«Русская военная сила», изданная дважды А. Е. Пигоровым, охватила уже период развития военного дела от начала Руси тоже до 1885 года. Однако в этом издании допетровскому времени отведено столько же места, сколько и послепетровскому, когда на армию и флот выпало особенно много работы, и они достигли

своего наибольшего развития; вот почему главнейший период расцвета нашего военного дела изложен в «Русской военной силе» кратко; все издание состояло только из двух томов.

Необходимо также иметь в виду, что в русской военной литературе до сих пор нет изданий, излагающих более или менее систематично всю историю развития нашего флота; русское общество давно уже нуждается в такой истории, правдиво и беспристрастно рисующей картину постепенного его развития.

Наконец, события в Китае в 1899—1900 гг., а главное — русско-японская война в 1904—05 гг. — явились слишком крупными событиями в жизни не только наших вооруженных сил, но и всего государства; эти события оказали и оказывают в настоящее время самое серьезное влияние на военное искусство, а потому и не могут быть оставлены нами без особенного внимания.

Знание своей Родины, знание славной боевой деятельности армии и флота, создавших из маленького удельного княжества, окруженного со всех сторон мощными врагами, могучую Российскую Империю, которая занимает ныне площадь, равную $\frac{1}{6}$ всей суши земного шара, столь же необходимо каждому образованному русскому, как знакомство его и с другими сторонами государственной жизни: промышленностью, политикой, торговлею, техникой, искусствами и т. п.

Война — жребий человечества и неизбежная судьба народов. Пока народы будут добиваться земных благ, пока они будут озабочены обеспечением своего потомства всеми благами культурной жизни и будут стремиться к осуществлению политических и культурно-исторических идеалов, до тех пор будут существовать войны.

Жизнь современного значительного государства сложна, сложны и вооруженные силы его; необходимо всегда иметь в виду, что в настоящее время нация тесно связана со своей армией и флотом; уже одна «обязательная воинская повинность» соединяет в себе почти все мужское население страны для единой цели — оберечь свое Отечество;

отсюда естественно, что все граждане страны, а интеллигенция в особенности, должны близко принимать к сердцу интересы своей армии и флота, жить с ними единой, тесной и дружной жизнью.

Вот почему необходимо знать историю своей армии и флота.

В борьбе за могущество, целостность и даже существование Отечества русским вооруженным силам приходилось встречаться и с величайшими полководцами, и с наиболее сильным врагом, перед которым трепетали и склонялись народы Европы: Густав-Адольф, король Шведский, Фридрих Великий, король Прусский, Наполеон I, великий император Франции, — бросали свои испытанные армии, покорявшие Европу, на русские войска, которые не только с честью выдерживали сильнейшие натиски противника, но иногда долгой, настойчивой борьбой приводили на край гибели некоторых из этих полководцев; так было с Фридрихом Великим при Куннерсдорфе и Наполеоном I — в 1812 году.

Русские войска упорной борьбой с Турцией добились самостоятельности Греции, Румынии, Сербии и Болгарии.

Героической борьбой, окружившей ореолом славы русские знамена, наши войска в период с 1799 по 1814 год, спасли Италию и Пруссию, поддержали Англию и Австрию, вторично спасенную нашей армией в 1849 году, и освободили всю Западную Европу от тяжелого владычества французской империи.

Русская армия героической борьбой на Кавказе и тяжелыми трудами в Средней Азии и на Востоке приобщила к культурной жизни десятки разных племен и наречий.

Русский флот сражался не только в морях своего Отечества, но и в водах далекого Средиземного моря и Тихого океана; русские армии появлялись в знойной Италии, на снежных Альпах, на высотах Монматра в Париже, в верховьях Дуная на границах Баварии, на льдах Ботнического залива, в пределах Швеции, за Балканами, под стенами Константинополя, в Берлине, в диких ущельях Кавказа, Малой Азии и Персии, в безводных степях и пустынях Средней Азии, на высотах Гималаев и Гиндукуша, в пределах Поднебесной империи, на берегах Тихого океана.

Длинный, славный боевой путь нашей армии и флота оставил яркий след в истории военного искусства: имена Суворова и Петра Великого смело могут быть поставлены рядом с другими военными гениями как древнего, так и нового военного искусства: Ганнибалом, Цезарем, Александром Великим, Густавом-Адольфом, Фридрихом Великим, Наполеоном. Дмитрий

Донской, Александр Невский, Иоанн IV, Румянцев, Скобелев, адмиралы Сенявин и Макаров по своему значению являются одними из наиболее выдающихся и талантливых полководцев и флотоводцев во всей истории военного искусства.

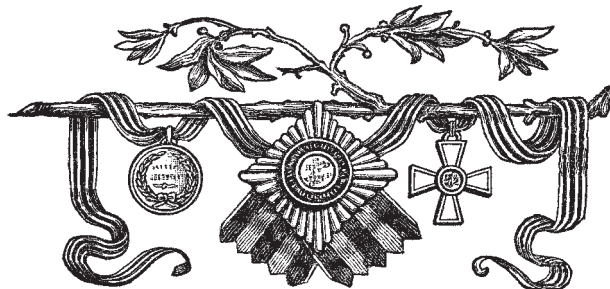
В период деятельности этих полководцев в историю русской армии и флота были вписаны особенно блестящие страницы. С особенным интересом мы можем проследить поступательное движение нашего национального военного искусства: Дмитрий Донской, Петр Великий, Румянцев, Суворов, Скобелев, Макаров являются наиболее яркими выразителями именно этого искусства, здоровые начала которого принесли немалую пользу основам всего военного искусства. Классические примеры этого искусства давались нашими бывшими вождями чаще, нежели иностранными.

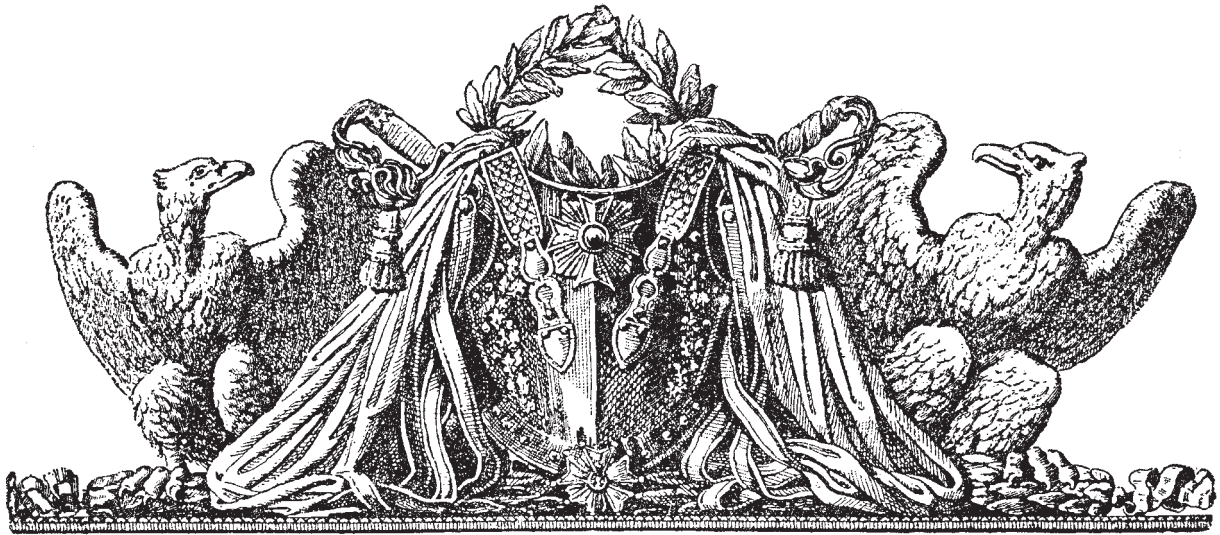
Тем не менее не один только успех сопровождал русские вооруженные силы на их длинном пути борьбы; бывали и крупные неудачи; русско-японская война, а в особенности Севастополь вызывают, благодаря неудачному для России исходу, наиболее тяжелые воспоминания; однако необходимо иметь в виду, что неудачи являются естественным явлением всякой борьбы, в которой взаимное положение борющихся зачастую меняется от всевозможных причин; их не могло избежать ни одно значительное государство. Достаточно вспомнить, что Пруссия пережила, после блестящей боевой эпохи Фридриха Великого, невиданный разгром при Иене и Ауэрштедте, что Франция после гениальных кампаний Наполеона I испытала Седан и что великой северной державе Швеции под Полтавой был нанесен Петром Великим окончательный удар в ее стремлении к господству в Северной Европе.

Однако эти неудачи не останавливали развития военных сил государства; они лишь заставляли обращать особенно серьезное внимание всей страны на состояние ее вооруженных сил и давали возможность, при дружной работе, исправив обнаруженные недочеты, создать вновь могучую армию и флот, которые обыкновенно в последующий период вознаграждали государство за все тяготы пережитых неудач.

Это может быть подтверждено многократно из минувшей истории нашей армии и флота; так будет, твердо верим мы, и в будущей истории наших вооруженных сил.

Гениальный полководец и великий император Петр I при заключении Ништадтского мира, как известно, начертал: «Надлежит Бога благодарить всеми силами, но, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, а стараться об общей пользе, дабы народ получил облегчение».

ОЧЕРК ИСТОРИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РОССИИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

*Исследование ординарного профессора
Императорской Николаевской Военной Академии
генерал-майора А. Г. Елчанинова*

I. От начала Русского государства до половины XI века

Началом нашей истории и первым толчком к основанию наших ратных сил, по мнению профессора Ключевского, послужило образование в VI в. по Р. Х. наступательного военного союза против Восточной Римской империи племен восточных славян. Племена эти до II в. обитали по Среднему и Нижнему Дунаю, в царстве Даков, а затем были вытеснены римлянами, после разорения ими этого царства, в Карпатский край.

Отсюда, направляясь по течению рек Днепр, Зап. и Южн. Буг и притоков Припяти и Верхней Вислы, молодые, полные сил и предприимчивости племена восточных славян двинулись в VII—VIII вв. в более доступную их натиску т. н. «Русскую равнину», где, естественно, они и осели прежде всего на богатом водном пути «из Варяг в Греки», — т. е. из р. Волхов к р. Днепр.

Но в одно время с расселением восточных славян по западной, лесистой, части Русской равнины, в восточной, степной ее части распространилась новая азиатская орда, хазары, которая в VIII в. покорила зашедших более к востоку славян — полян, северян и вятичей.

Однако, в начале IX в. сквозь хазар прорвались, с востока на запад, за Дон, новые орды: печенегов и за ними узов-торков. Хазарская власть оказалась не в состоянии оберегать наших купцов на востоке. Пришлось об этом заботиться купцам самим (торговые города — вооруженные убежища).

Почти тогда же в городах по Днепру стали появляться пришельцы из Скандинавии. Преимущественно вооруженные купцы, стремящиеся пробраться в богатую Византию, они задерживались в больших торговых городах и входили в состав местного вооруженного купечества. Таким образом в городах образовалась из туземцев и пришельцев военно-промышленная сила, которая не только сделалась сама независимой от хазар, но и подчинила себе несколько соседних племен.

В части городов варяги забрали власть, а их вожди стали военачальниками, называясь князьями и витязями (княжество Рюрика в Новгороде, Синеуса — на Белом озере, Трувора — в Изборске, Аскольда — в Киеве).

Из всех городов восточных славян наибольшее значение проявил Киев («стольный град», «мать городов русских»). Владелец Киева держал в руках ключ русской торговли и обороны всей страны. Отсюда все варяжские князья, появившиеся на севере, и стремились владеть Киевом, и отсюда же Киев неминуемо должен был стать узлом объединения русских славян.

Первые же русские князья в Киеве, поняв это, стремились подчинить соседние племена и расширить свои владения, причем у подчинившихся сажали наместников, «посадников», — своих сыновей и родственников или особо выбранных лиц.

Наместники эти, по существу, были такие же князья, как и Киевский, но он считался старшим, «великим князем» русским, а все подвластные ему племена

и земли — Великим княжеством Киевским или Русским государством, в половине XI в. довольно обширным и с весьма пестрым населением.

Но за свои права великие князья также и обязывались охранять торговые пути к заморским рынкам, оборонять подвластные земли и расширять все дальше торговлю. Это, в итоге, привело нас к желанию — покорением Византии — овладеть выходом из Черного моря в Средиземное.

В общем, первое время нашей истории было все той же борьбой нашей на все стороны, и для такой борьбы нужно было иметь надлежащую вооруженную силу.

Уже у варяжских князей в половине IX в. была военная сила — приводимые с ними вооруженные люди (варяги). Позднее в нее вошли славяне, а к концу X — половине XI в. дружины уже были преимущественно из славян.

Дружина была высшая (княжие мужи, или бояре) и низшая (дети их и отроки, под именем сначала грид, или гридба, а после — двор, или слуги).

Старшая дружина — бояре, — служба князю для управления и защиты земли, составляла думу, его государственный совет. Обязанная князю службой за содержание, состоя всегда в готовности к боевым трудам, во всем остальном дружина была свободна.

Дружина, таким образом, была военным сословием, занятым исключительно войной и торговлей, но до конца XI в. вовсе не земледельческим.

Наряду с дружиною было еще и земское, городское войско, вои, — как следствие военного устройства торговых городов, — т. е. горожане, способные носить оружие, кроме младшего из взрослых в семье. Сельчане же привлекались редко в войска и всегда в ограниченном числе.

Земско-городское войско (вои) созывалось, когда княжая дружина была недостаточна. Созыв и количество воев решались вечами; при несогласии шли только охотники.

По миновании надобности вои расходились по домам.

Главным родом войск была пехота. Лишь отдельные лица: сами князья, бояре, знатные и богатые люди, — сражались верхом¹. До Святослава, вообще, если и встречается конница, то почти исключительно наемная и невысокого качества.

Вооружение сразу резко обозначилось как рукопашное (копья, мечи, секиры, топоры, ножи), так и метательное (луки со стрелами), причем пехота разделилась на лучников, или стрелков, и копейщиков.

Оборонительное снаряжение было: кольчужная броня, остроконечные шлемы с кольчужными сетками на лицо и плечи и большие, часто во весь рост, деревянные щиты.

Простые бедные воины имели оружие беднее, проще и хуже; знатные и богатые люди вооружались богаче, сложнее и лучше.

Тяжелое оружие и снаряжение обыкновенно хранились в княжских складах и выдавались перед походом, а после похода вновь отбирались.

В первое время князья раздавали коннице и лошадей из собственных табунов.

Соединение воинов области или города называлось дружиною; несколько дружин давали рать или полки.

Все они носили имена областей или городов. Во главе стоял великий князь, под ним местные князья, воеводы, тысяцкие, головы, сотники и десятники.

Количество войск определить трудно. С полной уверенностью можно только сказать, что оно не превосходило 50—60 тыс., обыкновенно же было гораздо меньше. Так, у Аскольда в походе на Византию было 8 тыс. чел., у Олега и Игоря — значительно больше, у Святослава — своих только 10 тыс. чел., а наемных венгров, печенегов и других 40—50 тыс. чел., у Ярослава в IX в. против Болеслава Храброго — 50—60 тыс. чел.

Войска шли в поход от заранее назначенного сборного места, обыкновенно все вместе. Впереди шла «сторожа», или передовая стража. Она охраняла главные силы, разведывала о путях и неприятеле и добывала «языков» (пленных). За главными силами шли довольно многочисленные обозы с продовольствием и другим имуществом.

На ночлег становились станом и окружали себя повозками или тыном и часто окапывались, выставив стражей, выслав дозоры и приняв другие меры предосторожности.

В бою сражались холодным оружием, пешком, преимущественно в глубоких строях, но частью и в рассыпном строю метательным оружием.

Рать строила большой полк, или чело, из наемников или воевод² и два крыла из дружины: понимание значения удара во фланг и лучшие войска здесь, для решительного удара.

Перед началом боя иногда происходило единоборство отборнейших воинов, часто самих князей. Общий бой, крайне ожесточенный и кровопролитный, начинался по приказу князя: первый удар — копьями, затем — мечами. Победу решали: превосходство в числе, сила, ловкость владения оружием, мужество. Однако в бою прибегали к охватам, окружению, притворным отступлениям, засадам. И здесь, в этом маневрировании, крылья имели решающее значение.

Единственная слабая сторона, свойственная, однако, всем народам Европы того времени и на Западе оставшаяся весьма надолго, — победители оставались на поле сражения, празднуя победу на «костях», и только редко преследовали всеми силами до последней крайности.

Наряду с полевыми действиями, мы видим также и укрепления по границе. Уже Олег строил их вокруг Киева. С течением времени дело развивалось, и укрепленные места заселялись боевыми людьми, или, как говорит летопись, «службами лучшими», из разных славянских и финских племен. Укрепленные города, городцы и острожки состояли из деревянных стен толстого леса, со рвами и валами. Позднее валы и лесные засеки образовали вдоль границ укрепленные рубежи.

Брали города русские войска приступом, внезапным нападением, хитростью. При неудаче принуждали к сдаче голодом. Осадное искусство, как и везде тогда, было развито слабо.

По духу дружина обладала высокими воинскими доблестями: мужеством, храбростью, твердостью, терпением в перенесении трудов, лишений и опасности, суровостью в образе жизни, верностью и преданностью своим князьям и начальникам. Земское войско (вои) и особенно наемники этими качествами обладали меньше.

Князья (вожди) владели ратным делом и сердцами своих людей в большинстве — мастерски. Будучи первым примером во всем сами, они часто водили дружины на подвиги почти сказочные.

Как примеры — Византийские походы Олега Вещего, Игоря и необычайные по своей мощи деяния и походы Святослава.

Византийские походы. Еще Аскольд и Дир, не получившие от Юрика городов и надевшиеся утвердиться в Греции, направились со своими родами на юг по великому Днепровскому водному пути. Здесь, в земле полян, они овладели Киевом, где и остановились. К ним стали стекаться все недовольные и искатели приключений. Скоро у них образовалась многочисленная дружина, с которой они и предпринимали в 865 году, внезапно для греков, поход к Царьграду на 200 ладьях (8 тыс. человек).

В это время Константинополь был сильно укреплен, особенно с суши.

«Поход этих варваров, — замечает патриарх Фотий, — был так схитрен, что и молва не успела оповестить, и что мы услышали о них уже тогда, когда видели их»...

Ужас, охвативший всю столицу, был неописанный.

Немедленно к императору был отправлен гонец.

Между тем Царьград был уже обложен русскими, как вдруг, без всякой видимой причины, русы сняли осаду и, захватив громадную добычу, ушли на своих ладьях. По всем вероятностям, они получили известие о приближении императора Михаила III с греческими легионами и флотом, с которыми он пошел было против сарацин, но, получив известие о нападении русов, поспешил вернуться для вырочки столицы.

Далее, по 907 год, т. е. 42 года, отношения Руси к Византии были, по-видимому, мирного свойства. Русы находились даже на греческой службе, но, вероятно, со стороны греков последовало какое-либо крупное нарушение договоров с Русью, так как в 907 году, т. е. на 29 году своего правления, Олег (Вещий) предпринял поход против греков. Это был уже не набег шайки варягов, а предприятие соединенных сил всех славянских и, частью, финских племен, населявших тогдашнюю Русь. По свидетельству летописей, поход был на конях и ладьях. Последний было 2 тыс.; на каждой якобы по 40 человек. Конница отправлена сухим путем.

Поход Олега увенчался полным успехом. Греки согласились на потребованные Олегом условия мира, уплатили по 12 гривен на ладью и заключили предварительный, а впоследствии окончательный, мирный договор, по которому русы приобрели существенные права в греческих областях. В знак победы щит Олега был прибит к вратам Царьграда.

Из преданий об Олеге видно, что он являлся не столько храбрым воином, сколько мудрым, искусным и хитрым, «Вещим». Он же — первый собиратель племен. Под его общим знаменем племена впервые познают свое единство и соединенными силами участвуют в походе.

Игорь (912—945) предпринимал два похода в Византию, не имевшие по своим последствиям никакого значения.

Походы Святослава. Сын Игоря Святослав первые 10 лет своего княжения ведет, — это из Киева, при тогдашних условиях знания и сообщений, — побе-

доносные войны с народами на Дону, Кубани и при Каспийском море! В летописи под 964 г. стоит: «Когда князь вырос и возмужал, он начал вокруг себя собирать много храбрых воев, ибо и сам был храбр и быстр, как пардус (леопард), и потому много воевал. Котлов за собою не возил, мясо в походе не варил, но, тонко изрезав конину или зверину, испекал на углях и ел. Шатров у него не было, ложась спать, клал под себя потник, положив седло под голову. Таковы были и вои его».

В 967 г. греческий император Никифор Фока, в ожидании войны с болгарями, вследствие отказа платить им дань, отправил патриция Калокира в Киев к Святославу склонить его (дар в 26 пуд. золота) на набег на Болгарию. Отважный Святослав охотно согласился, убежденный ловким Калокиром, мечтавшим помощью храбрых русов занять шаткий престол.

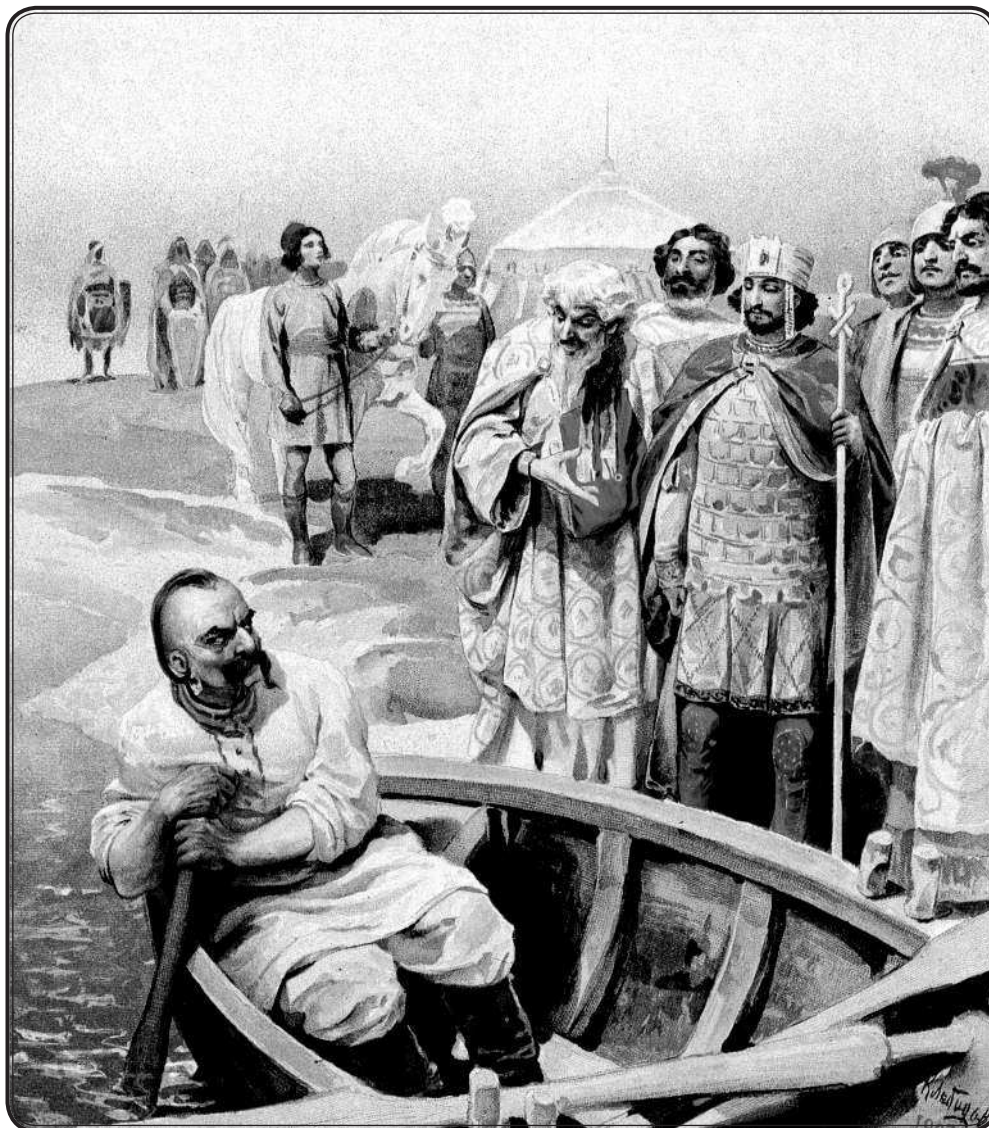
На клич для похода, обещавшего много добычи, золота и девиц, русская молодежь скоро стеклась под стяги Святослава.

Посадив на ладьи ок. 10 тыс. чел., Святослав в 967 г. двинулся в Болгарию, Черным морем и Дунаем. 30 тыс. болгар пытались сопротивляться, но русы, сомкнув щиты и обнажив мечи, нанесли им поражение. Болгары, отступив к Доростолу, заперлись, но были и там побеждены.

Вскоре вся страна, а также Македония и Фракия до Филиппополя попали под власть Святослава. Тогда Фока, поняв, какого опасного союзника он пригласил, и узнав о замыслах Калокира, стал готовиться к войне: принял меры по обороне Царьграда, загородил цепью вход в Золотой Рог и отправил посольство к болгарам под видом переговоров о брачном союзе между лицами царственных домов, но на самом деле — с целью возмущения болгар. Печенег, вероятно, подкупленные Никифором, напали на Киев. Это заставило Святослава поспешить домой. Здесь, усилив свою дружину воями, он прогнал печенегов. Но когда его стали упрашивать остаться в Киеве, он отвечал: «Не люблю мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае (вероятно, нынешний Рущук); там — среда земли моей, туда сходит все хорошее: от греков — паволоки, золото, вино и различные овощи, из Чехии — серебро, из Угрии — кони, из Руси — скоря (меха) и воск». Вскоре по смерти матери своей, св. Ольги, Святослав опять отправился в Болгарию, — и снова началась борьба, придавшая героический образ князю и заставившая потомство забыть весь вред его болгарских походов.

Святослав предпринимает набег к югу от Балкан и в 970 г., овладев Филиппополем, подступает к Адрианополю.

Между тем Никифор был убит знаменитым полководцем Иоанном Цимисхием, который, вступив на престол, старался переговорами склонить Святослава возвратить завоеванные области, иначе грозил войною. На это Святослав отвечал: «Да не трудится император путешествовать в нашу землю: мы скоро поставим шатры свои перед Византийскими воротами, обнесем город крепким валом и, если он решится выступить на подвиг, мы храбро его встретим». При этом Святослав советовал Цимисхию удалиться в Малую Азию³.

К. В. Лебедев. Свидание князя Святослава с византийским императором Иоанном Цимисхием на берегу Дуная. 971 г.

Война возгорелась, и Святослав понес вскоре поражение под Адрианополем, причем, имея громадные потери, отступил к Дунаю.

Между тем войска греков из Адрианополя пришлось отозвать в Малую Азию против восставшего Варды Фоки, брата убитого Никифора. Положение Цимисхия стало крайне затруднительным, и надо было предпринять решительные действия для обуздания все увеличивающейся смелости русов. Но для этого требовались значительные приготовления, окончить которые нельзя было ранее весны следующего года; да к тому же в наступившее зимнее время переход через Гемский хребет (Балканы) считался невозможным. Ввиду этого Цимисхий снова завел переговоры со Святославом, послал ему значительные подарки, обещая остальные прислать весной, и, по всем вероятностям, дело закончилось заключением предварительного договора о мире. Этим и объясня-

ется оставление Святославом незанятыми горных проходов (клисур) через Балканы.

Между тем весной 971 года Цимисхий, пользуясь разброшенным положением сил Святослава по Болгарии и его уверенностью в мире, неожиданно выслал из Суды флот из 300 судов, с приказанием войти в Дунай, а сам с войсками двинулся к Адрианополю. Здесь император был обрадован известием, что горные проходы не заняты русами, вследствие чего Цимисхий, во главе «бессмертных телохранителей» (конные латники числом до 2 тыс. чел.) и имея сзади 15 тыс. пехоты и 13 тыс. конницы, а всего 30 тыс., беспрепятственно прошел страшные клисуры и 12 апреля, совершенно неожиданно для русов, подошел к Преславе, занятой воеводою Святослава Сфенкелом.

На другой день Цимисхий, построив густые фаланги, двинулся к городу, перед которым его ожидали на

открытом месте русы. Завязался упорный бой, но русы, не имея конницы, не могли устоять против греческих всадников, и, когда «бессмертные» охватили их левое крыло, они вынуждены были отступить в город.

14-го прибыли к Цимисхию остальные войска с каменометными и стенобитными машинами. Торопясь взять Преславу до прибытия на выручку Святослава, греки, без труда разбив деревянные стены, пошли на приступ и после отчаянного боя овладели городом. Сфенкел отступил и заперся в царском дворце, где продолжал обороняться, пока Цимисхий не приказал зажечь дворец. Выгнанные пламенем из дворца, русы вышли и отчаянно отбивались от окружавших их греков. Почти все были истреблены, только самому Сфенкелу, всего с несколькими воинами, удалось пробиться к Святославу в Доростол.

В Преславе греками был взят в плен болгарский царь Борис, которого Цимисхий отпустил на свободу, даже заключив с ним союз.

В это время усилия Святослава собрать войска к Доростолу не могли увенчаться успехом, если только принять во внимание, с одной стороны, неожиданность для него войны, а с другой — быстроту действий Цимисхия: уже через 10 дней сам Святослав был застигнут греками под Доростолом. Этим и объясняется, почему Святослав, всегда первым нападавший на врага, даже не выступил навстречу Цимисхию. Это было теперь даже благоразумно, так как с наличными силами и без конницы он легко мог быть окружен и отрезан от Доростола превосходною многочисленною греческою конницею. Между тем в Доростоле находились все его ладьи, а Дунай был для него единственным путем отступления.

23-го произошел передовой бой у Доростола.

24-го Цимисхий был встречен общей вылазкой.

25 апреля Цимисхий попытался, но неудачно, овладеть городом приступом. Вечером же русы снова произвели сильную вылазку, причем, по сказаниям византийцев, они в первый раз попробовали действовать в конном строю, но, имея дурных коней, набранных в крепости и не привыкших к бою, были опрокинуты греческою конницею. В этот же день подошел греческий флот и расположился на Дунае против города, вследствие чего русы были окончательно обложены и не смели более выходить на своих ладьях, боясь греческого огня. Для безопасности Святослав приказал вытаскивать лодки из воды и поставить их на берегу.

26 числа русы опять сделали вылазку, но уже всеми силами. С длинными, до самых ног, щитами и покрытые кольчугами и бронеями, русы, выйдя в сумерки из крепости и соблюдая полную тишину, подошли к греческому стану и неожиданно напали на греков. Бой длился с переменным успехом до полудня 27 числа, когда был убит Сфенкел, доблестный защитник Преславы, после чего русы отступили.

В ночь с 27-го на 28-е Святослав, ожидая, в свою очередь, нападения, приказал вырыть глубокий ров вокруг городских стен и решился обороняться до последней крайности. Цимисхий сначала ограничился одним обложением, надеясь голодом заставить Святослава сдаться, но в скором времени, благодаря постоянным вылазкам русов, все дороги и тропинки были перекопаны рвами и заняты, а на Дунае флот усилил свою бдительность. Вся конница греческая была выслана

для наблюдения дорог, ведущих с запада и с востока в крепость.

Положение осажденных стало весьма затруднительным. К 28 июня прошло уже 65 дней осады, с почти ежедневными боями. В городе скопилось множество раненых, и наступал положительный голод. Между тем стенобитные машины греков все время действовали и разрушали стены города, а каменнометные орудия причиняли большие потери в людях.

С 29 июня последовал трехнедельный перерыв в действиях.

Положение Святослава становилось, однако, безвыходным. На помощь извне невозможно было рассчитывать, а выходы все заперты. Войско Святослава умирало с голоду и быстро таяло; у Цимисхия же не было ни в чем недостатка. При таких обстоятельствах Святослав созвал 21 июля на совет свою дружину; но это было им сделано не столько для совета, сколько для того, чтобы воодушевить ее к предстоящему и уже решенному им последнему бою.

Одни советовали выждать темной ночи, спустить в Дунай бывшие на берегу лодки и, соблюдая возможную тишину, плыть незаметно, вниз по Дунаю. Другие советовали просить у греков замирения. Но не так думал Святослав. Тут-то и были произнесены им те бессмертные слова, которые стали гордостью русского народа и русского воина во всех случаях, где приходилось делать выбор между доблестью и смертью. Святослав сказал: «Выбирать нам не из чего. Волей или неволей мы должны драться. Не посрамям же земли русские, но ляжем костями — мертвые бо срама не имут. Станем крепко. Я пойду впереди вас, и если глава моя ляжет, то поступите, как заблагорассудите (то промышлите собою)»⁴.

Наэлектризованные этою геройскою речью, вожди решили победить — или умереть со славою...

Святослав вывел в поле всех способных владеть оружием и приказал запереть все городские ворота, чтобы никто не мог вернуться в крепость⁵...

Завидя выступление русов, Цимисхий также вывел свои войска из укреплений и построился к бою, а потом двинулся против русских, стоявших под крепостью. Начался жестокий бой.

Обе стороны дрались отчаянно, и хотя Святослав был ранен и сшиблен с лошади, но победа стала явно склоняться в нашу сторону.

Однако Цимисхий умело отвел Святослава от крепости и охватил его тогда с обеих сторон конницею. Но здесь русских поразила еще и другая неожиданность...

Внезапно налетевшая гроза с вихрем, неся тучи пыли, ослепила войска Святослава. Пораженные неожиданностью, они дрогнули, начали отступать и, пробиваясь через греческую конницу, успели, хотя с большими потерями, проложить себе путь к крепости и укрыться в ней. Потери Святослава в этом последнем бою были очень велики: по словам византийцев, простирались даже до 15 тыс. чел.

Потерпев столь решительное поражение, Святослав вступил в переговоры с Цимисхием и получил право возвратиться Дунаем в Россию, а войска его (их оказалось будто бы 22 тыс.) были даже снабжены довольствием от греков. Святослав двинулся Дунаем и затем морем в Днепр. Но здесь, у порогов, печенеги преградили ему путь.

Пробиваясь уже весной 972 года, но с еще более слабою дружиною, Святослав был убит, и только воеводе Свенельду, с малым числом воинов, удалось вернуться в Киев.

По признанию византийских писателей, русы сражались храбро и отчаянно и давно уже пользовались славою победителей надо всеми соседними народами. Продолжительность происходивших в эту войну сражений, из которых некоторые, как, например, 26 и 27 апреля, длились около суток, выясняют всю стойкость наших предков в бою — свойство, и до сих пор составляющее отличительную нашу черту. К тому же положение русов было затруднительно еще и вследствие полного отсутствия у них конницы, — следовательно, условия борьбы с превосходною тяжелою конницею Цимисхия были крайне невыгодные.

Что касается самого Святослава, являющегося суровым воином, смелым и предприимчивым, то его предпринятие в Болгарии не может быть признано безрасчетным. Во всяком случае, Святослав представляется тут отнюдь не искателем приключений. Как уже указано выше, его поход в Болгарию имел основною целью утвердиться на Дунае, и уже поэтому нельзя отвергать чрезвычайной важности преследуемой им задачи как для военного, так и для политического и торгового могущества России.

Однако в самых военных действиях Святослава нельзя не видеть недостатка осторожности. Оставление незанятыми проходов в Балканах, бесспорно, составляет крупную его ошибку. Зато трехмесячная оборона Доростола, и притом оборона в высшей степени деятельная, представляется в полной мере доблестною и несомненно служит доказательством далеко недюжинных военных способностей Святослава, а главное, того его духа, того сознания своего превосходства над другими, которое позволяло ему гордо бросать врагу вызов: «Иду на вы»...

Походы Владимира Св. и Ярослава Мудрого. Гибель многочисленной русской рати, вместе со Святославом, а еще более — междоусобия его сыновей — сильно потрясли начавшее возрастать могущество Руси. Часть покоренных племен успела уже отложиться; соседи спешили воспользоваться удобным случаем пограбить Русь и на ее счет увеличить свои пределы. Надо было вновь покорять отложившиеся племена и умирять соседей. Это и выполняет Владимир, почти все княжение которого было занято войнами, и притом удачными. Владимир вел войны не для добычи, а для установления и утверждения русского владычества в Восточной Европе, и по отношению Руси, как государства, его войны имеют бесспорно большое значение.

Первое время, за убылью своих войск, Владимиру были необходимы наемные дружины варягов, от которых он избавился, когда Киевский престол перешел в его руки.

При нем Русь принимала широкое участие в делах Византии уже не как враг, а как союзник, военная помощь которого выручает империю из затруднительных обстоятельств, хотя в 988 году и он воевал с греками.

Но в этом случае Владимир не предпринял, подобно своим предшественникам, дальнего и рискованного похода на Царьград, а избрал более близкую цель — греческие колонии на берегу Черного моря, в Крыму. Войска его направились в ладьях к Корсуню и, высадившись в окрестностях его, расположились сначала

в расстоянии полета стрелы. Это был по счету восьмой поход русских в Черное море в течение 122 лет. Получив на требование сдачи города решительный отказ, Владимир приказал приступить к стенам и делать примет. Осадные работы подвигались, однако, весьма медленно, — как говорит летопись, потому будто бы, что граждане Корсуня подрывали ход под стеною и уносили в город землю, присыпаемую русскими к стенам. Наконец, измена помогла великому князю овладеть городом. Ему было сообщено о возможности отнять у города воду. Исполнив этот совет, Владимир действительно вскоре принудил город к сдаче.

Как известно, Владимир по взятии Корсуня принял в 988 г. крещение и женился на Анне, сестре византийских императоров Василия II и Константина Багрянородных. Это привело к тому, что наши войска появились в рядах византийцев.

С принятием христианства и крещением Руси, т. е. во второй половине княжения Владимира, прекратились войны с западными державами, но далеко еще не прекратилась его военная деятельность. Ему пришлось до последних дней вести упорную и трудную борьбу с печенегами, набеги которых не давали покоя всему югу России. Владимир предпринял против них целый ряд походов, а для преграждения им доступов в Россию он устроил ряд новых укрепленных городов по рекам: Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне, а также поправляет и укрепляет старые. Для ограждения Киева Владимир, между прочим, окружил его рядом укрепленных мест, как бы крепостцами. В эти города Владимир посадил лучших мужей, собирая их из славян, т. е. новгородцев, кривичей и вятичей. С целью наблюдения за кочевниками и своевременного извещения об их набегах, стали пользоваться также бесчисленными курганами, т. е. искусственно насыпанными горками, которые и теперь еще часто встречаются в наших южных степях. Новые пограничные городки и сторожевые курганы были связаны между собою валом и частоколом. Таким образом, впервые образуется укрепленная черта, защищавшая, хотя далеко и не в достаточной мере, пределы Руси от набегов хищников.

Княжение Ярослава I Мудрого имеет, вообще, вид постоянных войн его с братьями, для чего он нанимает на службу варягов.

Княжения Владимира I и в особенности Ярослава I, по многим причинам, представляют наиболее данных для изучения военного дела и искусства в Древней Руси. В это именно время Русь является государством, достигшим наибольших могущества, силы и международного значения за всю домонгольскую ее историю. Целым рядом удачных войн эти два славные князя достигают объединения Руси в столь обширных пределах. Сильная внутри, Русь пользуется соответственным международным значением. Ее соседи наперерыв стараются заручиться союзами с нею. Ярослав был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа, сестра его, Мария, была за польским королем Казимиром, а сестра последнего — за сыном Ярослава, Изяславом. Дочь Ярослава, Елизавета, была замужем за норвежским королем Гаральдом Смелым (Гардрагом), другая дочь, Анна, за французским королем Генрихом I и, наконец, третья, Анастасия, за венгерским королем Андреем I. Сын же Ярослава, Всеволод, был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха... Какая мощь, и что бы было, если бы не татарское иго и приведшие к нему собственные грехи...

II. С половины XI до половины XIII века

С половины XI в., после Ярослава Мудрого, на Руси установилось новое начало княжеского владения русской землей, названное профессором Ключевским очередным. В этом порядке, с переменной в составе княжьей семьи, шло передвижение оставшихся князей из одной волости в другую, с младшего стола на старший.

Старшим считался стол Киевский. Его и должен был занимать старший во всем роде, со званием великого князя. Он распределял владения между младшими, разбирали их споры и судил их, заботился о семьях и был главою всей русской земли, а вся русская земля, в совокупности, принадлежала всему княжескому роду и, таким образом, не делилась на части, сохраняясь цельной в смысле народности.

Отсюда и при новом порядке наша вооруженная сила осталась народной.

Но очередной порядок оказал все же сильное влияние на устройство вооруженной силы. Он делал подвижными и князей, и княжескую дружину, которая при передвижении князя или, следуя за ним и покидая прежнюю волость или покидая князя и оставаясь в прежней волости, никому при этом не изменяла. С другой стороны, однако, старшие дружинники, бояре, не могли занимать высших правительственных должностей долгое время в одних волостях, и через это они не приобретали себе здесь прочного влияния на дела.

В общем, очередной порядок не изменил отношений между князем и дружинниками, но дал дружинникам право менять князей.

Со временем очередной порядок вызвал споры между князьями о старшинстве. Явилось стремление приобрести его силой и разместиться по волостям не по очереди, а по наследству.

На почве же раздачи дружинникам земли в поместьях⁶, за обязательство не переходить к другим князьям, возникает начало поместное.

Первым последствием этого было то, что дружинники, сев на землю, неохотно уже от нее отрываются: началась, естественно, утеря ими боевых качеств и вида военного сословия.

Второе последствие — упадок значения князя. Третье — поднялось значение городов, с вечем во главе. Князья должны были считаться с этой силой, вполне окрепшей в конце XI века, входить с ней в сделки и заключать даже договоры, «ряды».

В итоге Русь разбилась на ряд «демократических республик», в большинстве с князем — только ставленником — во главе. А такой строй не мог не привести к полному крушению у нас государственности, что и доказало вскоре татарское иго.

Наемников с этого времени в ратях князей встречается все более.

Они у нас были главным образом из печенегов, половцев, торков, берендеев и других кочевников-тюрков в низовьях Днепра и Дона, частью из венгров и поляков.

Из родов войск растет значение конницы. К середине XIII века она составляет уже значительную часть вооруженных сил.

Отсюда вооружение, способы ведения боя естественно видоизменяются в сторону пригодности их для конницы. Сочетание же ее с пехотой создало способ-

ность к наступательному образу действий и крайнее упорство в обороне. Но увеличение числа наемников, ослабление княжеской власти и внутренние распри и неурядицы ведут все же заметно к понижению порядка и боевой доброкачественности войск.

Наиболее даровитыми вождями этого времени были Владимир Мономах, внук Ярослава Мудрого, Изяслав Мстиславович, внук Владимира Мономаха, Святослав Киевский и Мстислав Удалой. Они ясно понимают выгоды действий сосредоточенными силами (особенно Владимир Мономах). Они же, как и их предки, сознают, что решительных успехов можно добиться только наступлением на врага в его пределах, и правилом их, по наследству, осталось: «Изыскать недруга в его земле».

Скрытность и быстрота — залогов внезапности, — хитрости и отводы всякого рода тоже были их любимыми приемами.

Ночные движения и действия, преследования разбитого врага, благоразумная осторожность, медленность и хитрость в обстоятельствах неблагоприятных и решительность в условиях благоприятных (Юрий Долгорукий и Изяслав Мстиславович, — последний особенно был решителен и смел); наконец, должное значение поддержек и умелое пользование ими (Владимир Мономах), — вот те особенности, в которых оставалось все же самобытно и определенно наше ратное дело перед нашествием татар. Но неправильное внутреннее устройство государства, рознь и взаимное недоверие мешали проявляться этим качествам во всей полноте, и, когда на раздробленную и разьедаемую смуту Русь надвинулось нашествие татар, учеников бесспорно великого полководца Чингисхана, — мы пали в неравной борьбе и только ценою 2,5 столетий рабства и покорности судьбе искупили потом свой грех розни и раздоров, проложив дорогу к созданию великого и мощного Царства Московского, впоследствии Империи Великого Петра.

Гроза татарского нашествия впервые прогремела в 1224 году, в несчастной для нас битве на Калке.

Получив сведения от половцев о приближавшемся нашествии татар, князь Галицкий Мстислав Удалой созвал в Киеве совет, на котором, как и всегда, решено было не выжидать нападения татар, а самим двинуться навстречу. На этом совете не было князя Юрия Владимировича, которому, однако, после выступления в поход было послано предложение присоединиться. После 17 дней русские войска сосредоточились (но войска князя Юрия Владимировича опоздали) на правом берегу Нижнего Днепра, близ Олешья, где присоединились и половцы. Здесь они одержали успех над передовыми монгольскими частями. Увлечшись, князья, — снова без войск Юрия Владимировича, — еще через 9 дней прибыли к р. Калке (ныне реке Калец в Екатеринославской губ.), где 31 мая 1224 г. и произошло кровопролитное сражение, окончившееся полным нашим поражением.

Причины — решение Мстислава Галицкого перейти р. Калку в виду гораздо более многочисленного врага и разногласие между князьями Галицким и Киевским, причем последний не захотел переправиться через реку — ибо, по его мнению, — что и было вполне правильно, — татары имели возможность разбить нас по частям.

В общем, как видно, уровень военного искусства значительно понизился с походов Олега и Святослава.

Однако какой яркой звездой светят нам подвиги великого нашего вождя и государя того времени, св. равноапостольного князя Александра Невского.

Св. Александр Невский принял тяжелое бремя правления в особенно скорбное для Руси время. Разрозненная во внутренней жизни, она, как было сказано, подчинилась татарскому игу, — это ослабление еще недавно могучей Руси тотчас же вызвало напор присмиривших было исконных врагов — шведов, ливонских рыцарей и литовцев.

Шведы издавна входили в Неву, Ладожское озеро и Волхов, не давая покоя Новгороду и Пскову.

Рыцари поселялись еще с древнейших пор в областях Новгородской и Псковской и, понемногу завоевывая русские земли, даже нападали на самые Новгород и Псков. Успех врагов уничтожил бы нас окончательно: с востока татары, с запада шведы, Ливонь и Литва...

Заслуга отстоять простор для свободного развития Родины и обеспечить тыл с запада для будущего низложения татарского ига, начав нравственную подготовку к такому низложению, и выпала на долю св. вел. кн. Александра Невского, «Солнца земли Русской».

Задачи эти решены были им одинаково великими политикой и стратегией. Политически — Князь, не предвидя пока успеха открытой борьбы с татарами, не остановился перед унижениями, лишь бы отвести ханский гнев, что и удалось ему дважды (поездки в Орду, в глубину Азии).

На западе — совсем наоборот: Александр Невский действовал мечом, и действовал так, что, по словам Костомарова, «немцы навсегда оставили мысль поработить северные Русская земли и подвергнуть их участи земель прибалтийских славян».

На счастье наше и Новгорода со Псковом, как передовых оплотов наших, враги шли не дружно, а порознь, тогда как между буйным Новгородом и Князем устанавливалась в самое нужное время должная связь.

Первыми, в 1240 г., под начальством Биргера, зятя самого короля, пошли шведы, с папскою буллою в руках. Провозгласив новгородцев союзниками язычников и врагами Христа, Биргер писал гордо: «Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже здесь, и пленю твою землю».

Но Князь знал, что нужно было сделать. По отмеченному уже выше историческому нашему обычаю, он сам смело и быстро пошел вперед, дабы «искать недруга» и бить его, но не ждать его и не искать от него решения...

При этом Александр шел, даже не ожидая союзных князей. Он присоединил к себе лишь жителей города Ладоги, который был на его пути (вдоль Волхова): исконное наше сосредоточение сил с движением вперед, какое мы увидим и позже. По исконному же обы-

чаю, перед походом было, для подъема духа, испрошено благословение духовенства.

Между тем шведы вошли через Неву в устья Ижоры и вышли на берег, дабы затем, овладев Ладогою, устремиться на Новгород.

Сведения эти дала Новгородская сторожа, как всегда стоявшая в устьях Невы. Здесь, несомненно, разгадка решимости и быстроты движения Александра: он спешил предупредить шведов у Ладоги и идти дальше за Ижору, — и вот, в тумане, в 11 часов утра 15 июля, «как Божья гроза», налетел он на шведский стан. Лично положил он Биргеру «печать копьем на лице», и шведам осталось одно: спастись, после бегства, ночью на своих кораблях. Подвиг был столь славен, что с ним связано предание о помощи нам от св. Бориса и Глеба.

Шведы отхлынули. Новгород поднял голову и поссорился с Александром, хотя и любил иметь его «в челе своих дружин». Князь ушел в Переяславль. Но в это время двинулись немцы. Они завладели Псковом и, страшно опустошая Водьскую пятину, показались у самого «Великого Новгорода». Мятые новгородцы вспомнили избавителя от шведов: архиепископ умолил его вернуться. Князь быстро очистил окрестности Новгорода от немцев, освободил Псков. Озлобленные немцы собрали свой крестовый поход, хвалясь взять Александра живым. Но Бог судил иначе. Александр, «исполчившись» с новгородцами, псковичами и некоторыми другими, и здесь смело и властно пошел навстречу врагу. Разведки (сторожи) узнали его место на Чудском озере и сообщили, что лед еще крепок. В субботу, 5 апреля 1242 г., на восходе солнца, Александр увидел на льду немецкое полчище, сверкающее копьями, шлемами и панцирями. «Боже, суди мой спор с этим высокомерным народом!» — воскликнул Александр и бросился в сечу. Немцы построили клин, или свинью. Они прорвали наш строй в передовых частях, но мы уже и прежде знали «неприятельские обращения»: ответив пятком, или клещами, мы впустили рыцарей к себе внутрь и окружили их с тылу. От «Ледового побоища» уцелело немного немцев, и они более уже не отваживались вступать в борьбу с Александром.

В 1245 г. зашевелился третий наш западный враг, Литва, овладев Торопцем. Александр устремился на литовцев, изгнал их из Торопца и, быстро и решительно действуя, нанес им еще ряд поражений...

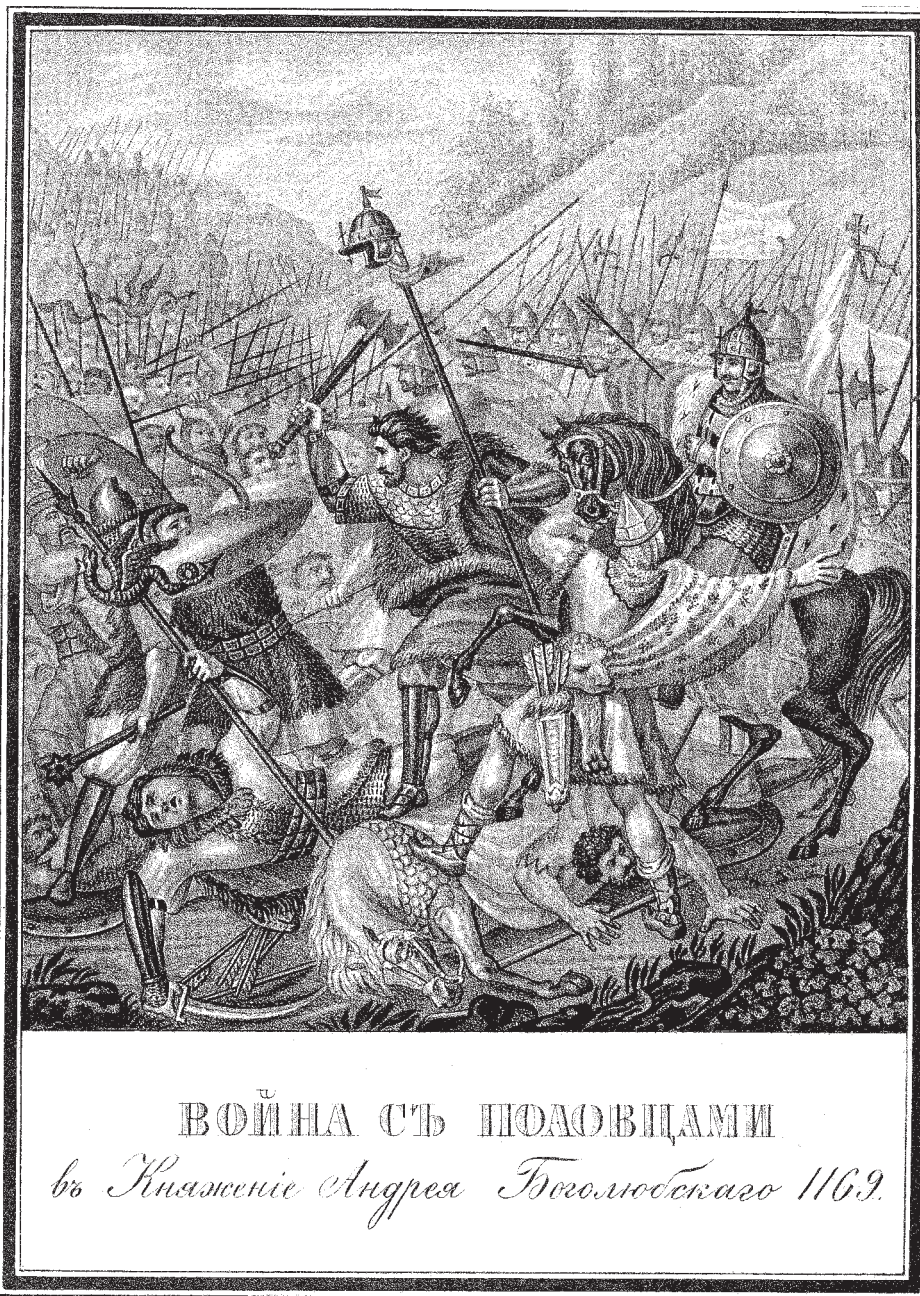
Имея в виду в своих военных действиях одно — уничтожение врага для спасения от него Русской земли, — Александр, как и все его лучшие предшественники, действовал всегда смело, властно и решительно. Не гадая за неприятеля, а преследуя свое собственное основное решение, он был всегда превосходно осведомлен об обстановке, умело «обновлял по обстоятельности»⁷ и превосходно действовал «по неприятельским обращениям»⁸, и в стратегии, и в тактике, и в политике.

III. С половины XIII до половины XIV века

Крайности очередного порядка княжеского владения постепенно сделали население Руси бесправным и разоренным и заставили его тем более искать выхода из тяжелого положения, что кочевавшие в соседних восточных степях варварские племена непрерывно нападали на Русь. Этот выход на-

селение увидело в переселении туда, где подобных условий не было, и в XII веке стало уже заметным запустение Киевской Руси, особенно Приднепровья.

Отлив населения отсюда шел и на запад, за Западный Буг, в глубь Галиции и Польши, и в противоположную сторону, на северо-восток, за р. Угру, между

ВОЙНА СЪ ПОЛОВЦАМИ
 въ Княженіе Андрея Боголюбскаго 1169.

Сост. В. Чернышев.

Иллу. у. Н. Волков.

Рис. на кам.: П. Понкратов.

Окой и Верхней Волгой. Вот здесь-то и образовалось сильное Суздальско-Владимирское княжество (обратившееся впоследствии в Московское царство, а позже в Российскую империю), в то время как запустение Днепровской Руси окончательно завершилось татарским нашествием 1239—40 гг.

С другой стороны, природа края вызвала в хозяйственном быту великорусов личную самостоятельность, привычку полагаться только на самого себя, сметку, сообразительность, умение применяться к обстоятельствам, изворотливость в затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лише-

ниями, непритязательность, выносливость и наблюдательность...

В итоге новое племя давало и новые превосходные основы для развития прочной и правильной вооруженной силы...

Одновременно в новом краю — по-новому сложилось и государственное устройство.

В половине XII века суздальским князем сделался один из младших сыновей Владимира Мономаха, Андрей Боголюбский⁹. Представляя собой истинного великоросса, родившегося и выросшего на севере, он не любил Киева и вообще юга.

Сделавшись затем великим князем, Андрей остался в Суздале.

Благодаря самовластному и решительному нраву, Андрей устанавливает обязательное подчинение младших князей старшему, придав княжескому старшинству значение верховной власти; желая быть независимым в управлении, Андрей остается жить в «пригороде» Владимире, отстранив больших отцовых бояр и окружив себя людьми «младшей дружины», отроками.

В итоге, в Суздальской Руси уже с конца XII века стал разрушаться очередной порядок княжеского владения. Вместе с тем начавшиеся в ней усобицы потекли на иных началах, чем в Южной Руси, и здесь мы видим борьбу дядей с племянниками и двух слоев населения — высшего и низшего — между собою.

Княжение Всеволода III¹⁰ во многом было продолжением внешней и внутренней деятельности Андрея Боголюбского.

Благодаря этому, Суздальская земля, в начале XII в. захолустный северо-восточный угол, к XIII в. уже является княжеством, господствующим над остальной Русью, и власть заметно передвигается со Среднего Днепра на Клязьму.

Рядом со старшей, Владимирской, областью образовалось несколько младших волостей, которыми владели младшие Всеволодовичи, как постоянной отдельной собственностью известного князя и личным его достоянием, передававшимся от отца к сыну по личному распоряжению владельца.

Такие княжеские владения стали называться сначала вотчинами, а потом — уделами, в смысле отдельного владения, постоянного и наследственного. Отсюда и новый порядок княжеского владения, в отличие от очередного называемый удельным.

Почва для создания вооруженной силы — великорусское население — была прекрасного качества.

Поворот к лучшему начался с половины XIV в., отчасти под влиянием татарского ига и высокого военного искусства у татар.

IV. С половины XIV до половины XV века

Однако удельный порядок сам же подготовил и почву для новых успехов. В 1147 г. становится известным на границе между Суздальским и Чернигово-Северским краем село Москва, которое в 1156 г. делается городом, окруженным деревянными стенами.

Как городок новый и расположенный «где-то на окраине», до середины XIII в. Москва не имеет постоянного княжения. Лишь по смерти Александра Невского в 1263 г. Москва становится стольным городом особого княжества, и малолетний сын Александра, Даниил, является родоначальником Московского княжеского рода: сразу стол Московский попадает в достойные руки наследников св. Александра Невского!¹¹

Как и все удельные князья, князья Московские, начиная с их родоначальника, стремятся к приобретению, увеличению и расширению удела.

Окрулив же свои владения, они в начале XIV в. начинают усиленно заниматься устройством внутренних дел.

Влияние это началось с самых первых встреч с татарами, т. е. примерно с 1224 г., и особенно сильно сказалось после покорения ими Руси.

Резче всего это влияние сказалось на соотношении наших родов войск и их вооружении и боевых приемах.

Конница сделалась главным и многочисленнейшим родом наших войск. Но и пехота, уступая коннице в числе и качестве, так как состояла из не вполне хорошо устроенных и вооруженных дружин горожан и поселян, все же не утратила окончательно своего значения: конница у нас не получила того исключительного значения, как на западе.

Вооружение мало-помалу стало почти совершенно монгольским, хотя на него оказывали влияние и заимствования у шведов, ливонских рыцарей, поляков и венгров.

Метательное оружие составляли луки для поля и самострелы для действий под крепостями. Рукопашное оружие стало многочисленное и разнообразное.

Бой теперь ведется большей частью на коне и начинается стрельбой из луков из разомкнутого или рассыпного строя. Войска то наступают, то отступают, стараясь расстроить противника. Затем действуют рукопашным оружием в сомкнутом, глубоком строю. Удар наносится, используя превосходство в силах, различные хитрости и скрытность и быстроту.

Охранение войск и добывание сведений о противнике начинают вновь упорядочиваться. Появляется также стремление к улучшению боевых построений.

Наконец, необходимо отметить большое развитие полевых укреплений и искусственных препятствий, а также то, что в действиях под крепостями начинают пользоваться стенобитными машинами.

Дух войск стоял обыкновенно высоко.

В итоге образовался отличный источник, из которого при известных условиях можно было создать прекрасное войско. Но общее положение страны пока еще мешало проявлению этих благоприятных условий.

Северная Русь смотрит на них, как на образцовых хозяев, на Московское княжество — как на самый благоустроенный удел.

Счастливым положением Москвы в узле дорог и на реке еще более способствовало ее процветанию. Мало-помалу у московских князей накопились большие средства. В связи с тем росло и их общее значение.

К половине XV в. Московское княжество, благодаря богатству своих князей, уже превосходило любое из великих княжеств на Руси, а за исполнение приказаний хана — с его войсками наказать тверского князя за восстание — московский князь Калита в 1328 г. получил великокняжеский стол, который уже с тех пор и не выходил из рук московского князя¹².

Ближайшим следствием получения московским князем великокняжеского стола была приостановка татарских нашествий. Это привлекло на сторону московских князей всеобщую любовь и населения Северо-Восточной Руси.

Вторым следствием является объединение Руси, с его первым проблеском, союзом князей, во главе которого стал князь Калита. Одновременно московский князь, получив великокняжеский стол, получил и право собирать с Руси дань ханам, а в 1353 г. второй сын Калиты, Иван, получил от хана и судебную власть над всеми князьями Северной Руси.

Все изложенные мероприятия освящены были обращением Москвы в духовную столицу Руси (в 1326 г. митрополит Петр поселился в Москве), — и это еще больше способствовало тяготению всех частей земли Русской к Москве.

В итоге, подчинив себе Русь, московские князья обрели Московское княжество в цельное прочное Русское государство, а московского великого князя, только старшего по званию из удельных, — в единственного, т. е. единодержавного Русского государя.

Благодарное потомство свято чтит подвиги московских князей и дало им название «Собирателей Руси».

По мере усиления Московского княжества дружины удельных князей сливаются с дружиной великокняжеской, и скоро остается, в сущности, одна эта последняя дружина.

Затем установление единства в дружинах дает и возможность великому князю сосредоточить под своим начальством значительное войско.

Кроме того, в состав вооруженных сил Руси входили городовые полки, которые в каждом уделе составлялись из горожан, или, как их называли, «жильцов». Здесь начинают упоминаться и «городовые казаки», т. е. вольные люди, которые за деньги служили князьям по городам. С XIV в. на восточных и южных окраинах Руси появляется особый род войска — «пограничное земское ополчение»¹³, так называемая «засечная стража». Ее обязанность — охранение и оборона пограничных засек, прикрывающих границы.

Сельские ополчения, т. е. земледельцы, созывались лишь в самых исключительных случаях по одному человеку с определенного количества земли (сохи)¹⁴. Отсюда название — «посошные люди».

Наемные дружины по-прежнему состояли из литовцев, поляков, и иногда монголов, но появление их — уже более редко — верный признак возрождения нашего к жизни...

Главным и бесспорно лучшим родом войск, под продолжавшимся влиянием татар, окончательно сделалась конница. Ее составляли чины и лица княжеских дворов, дворяне и дети боярские из числа тех, которые имели средства и возможность служить на конях.

Но у нас существует и пехота, которая хотя и образовалась из воинов, по бедности не имевших возможности завести и содержать коней, — но все же она постоянно входила в состав полевых войск, и, напр., Дмитрий Донской даже сожалел о том, что в 1380 г. в Куликовской битве у него было мало пехоты. Между тем в Западной Европе в это время пехоте не придавали никакого значения, и она была там в полном пренебрежении.

К прежним образцам оружия и снаряжения в 1389 г. в последний год княжения Дмитрия Донского прибавились первые образцы огнестрельного оружия, которые проникли через посредство Новгорода и Пскова, торговавших с Ганзейскими городами, а также, быть может, от шведов, датчан, ливонских рыцарей и литовцев.

При Василии I в Москве начали изготавливать порох, который до Петра Великого носил название «зелия», а каменные стены Москвы были вооружены «арматами» (огнестрельные орудия)¹⁵.

Все вообще огнестрельные орудия были сначала очень длинны и тяжелы, употреблялись все вместе, и совокупность их с самого начала называлась нарядом или снарядом, что соответствовало западноевропейскому названию «артиллерия». Находились они сначала только в больших городах.

Каждые два-три года служилые люди, дети боярские, подвергались пересмотру по областям — для определения их числа и сколько каждый из них мог выставить служителей и лошадей.

Дмитрий Донской

Собранные войска делились на конные и пешие дружины или полки.

Полки городовые назывались по городам: Киевский, Новгородский и т. д.

Полки княжеские носили имена князей, напр., полк Изяслава, Юрия и т. д.

Слово «полк» имеет смысл только боевого подразделения рати.

Городовые полки по-прежнему называются тысячами. Полки вообще делились на сотни и десятки. Во главе рати и полков стояли или князья, или ратные воеводы из больших бояр. Из их же среды выбирались вообще все старшие войсковые начальники. Помощниками воевод были бояре путные, которые ведали передвижениями рати или полка, а также и самого князя. Позднее бояре путные заменяются окольными